

Научная статья
УДК 341.641
doi: 10.17223/15617793/478/26

Идеология коллегияльности в практике международного уголовного правосудия

Екатерина Дмитриевна Ветошкина¹, Елена Сергеевна Кошечева²

^{1, 2} Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Россия

¹ vetoshkina@msalkirov.ru

² koscheeva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу оптимальной идеологической основы для принятия решений коллегией судей в органах международного уголовного правосудия. Цель исследования – на основании системного анализа коллегияльности в практике органов международного уголовного правосудия, механизма ее применения, влияния на принятие решения и специфики нормативного закрепления определить наиболее оптимальную идеологическую основу для достижения действительного единогласия при соблюдении международных стандартов отправления правосудия. Идеология коллегияльности рассматривается в качестве базового процесса, определяющего наиболее эффективный способ формирования единого мнения коллегией судей.

Ключевые слова: коллегияльность, органы международного уголовного правосудия, состав суда, принятие решений, особое мнение

Для цитирования: Ветошкина Е.Д., Кошечева Е.С. Идеология коллегияльности в практике международного уголовного правосудия // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 218–225. doi: 10.17223/15617793/478/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/26

The ideology of collegiality in international criminal justice practice

Ekaterina D. Vetoshkina¹, Elena S. Koshcheeva²

^{1, 2} Volga-Vyatka Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University, Kirov, Russian Federation

¹ vetoshkina@msalkirov.ru

² koscheeva@yandex.ru

Abstract. One of the two key issues that were put on the agenda of the third annual judicial seminar of the International Criminal Court on 23 January 2020 was the question of the expression of dissenting views by the judges of the International Criminal Court. Traditionally, scholarly discussions on the issue of expressing dissenting opinions have focused on their perceived impact on the authority of judgments and decisions of international tribunals, and even on the authority of these institutions themselves. The article considers the optimal ideological basis for decision-making by a panel of judges in international criminal justice bodies. In particular, it analyzes: the history of the normative reflection of the idea of collegiality in normative acts regulating the activities of international criminal justice bodies, the main doctrinal approaches to the ideas of an individual and collegial approach in decision-making, the practice of expressing dissenting opinions when considering cases by these bodies. The authors' position comes down to considering the ideology of collegiality as a basic process that determines the most effective way of forming a unanimous opinion by a panel of judges. In this regard, emphasis is placed on the link between the objectives of the International Criminal Court and the approach to expressing a dissenting opinion. Judicial collegiality implies that judges have a common interest in the correct presentation of facts and interpretation of the law, and therefore they must be willing to interact and listen to each other, mutually convincing and being convinced by their colleagues. The legal phenomenon under consideration is analyzed through an understanding of the differences in the personal composition of judges of international criminal justice bodies, which is consistent with the idea of freedom of expression, provided for in Article 10 of the European Convention on Human Rights. The conclusion generalizes that the transformation should take place in the direction of strengthening the ideology of collegiality in the adoption of a judicial decision, including at the level of appeal against a judicial decision, which is due to the achievement of the common goals of international cooperation in the field of criminal justice: preserving peace, fixing historical conclusions. The aim of this work is a systematic analysis of collegiality in the practice of international criminal justice bodies, the mechanism of its application, the impact on decision-making and the specifics of normative consolidation. The identification and substantiation of such proposals provides for the novelty of the research. The materials and results of the study can be used as a theoretical basis for further scientific development of topics related to the development of legal

regulation of the procedure for making decisions by a collegium of judges both at the international level and at the national level.

Keywords: collegiality, international criminal justice bodies, composition of court, decision-making, dissenting opinion

For citation: Vetoshkina, E.D. & Koshcheeva, E.S. (2022) The ideology of collegiality in international criminal justice practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 218–225. doi: 10.17223/15617793/478/26

Введение. Постановка проблемы

Одна из двух ключевых проблем, которые были поставлены на повестку третьего ежегодного судебного семинара Международного уголовного суда (МУС) 23 января 2020 г., – вопрос о выражении судьями МУС особых мнений [1. Р. 6]

Традиционно научные дискуссии по проблемам выражения особых мнений сосредоточены на их предполагаемом влиянии на авторитет постановлений и решений международных трибуналов и даже на авторитет самих указанных институтов [2. С. 148; 3; 4. С. 401]. Вместе с тем следует учитывать, что особые мнения прежде всего затрагивают эффективность органов международного уголовного правосудия, поскольку прямо влияют на порядок принятия коллегиального решения, выступающего их ключевой задачей.

Особое мнение и судебное несогласие не являются типичными для уголовного правосудия, хотя с точки зрения международного судопроизводства эти термины не новы. Деятельность органов международного уголовного правосудия всегда находится под пристальным вниманием мирового сообщества, получая самые разнообразие оценки. Преступления, отнесенные к юрисдикции этих органов, обладают наивысшей степенью общественной опасности, посягают на основы мирового правопорядка и безопасность всего человечества. Решения же международных трибуналов и судов должны носить основополагающий характер, определяющий вектор развития международного сотрудничества государств в деле борьбы с такими преступлениями и их предупреждения [5. С. 303]. Проблема, решению которой посвящена настоящая статья, находится в сфере формирования окончательности и убедительности судебных решений, принимаемых МУС и иными органами международного уголовного правосудия. Публичное выражение особых мнений судьями, входившими в состав коллегии судей МУС или иных органов международного уголовного правосудия, за пределами совещательной комнаты ставит под сомнение убедительность и однозначность выводов суда, а также цель уголовного правосудия на уровне международных органов.

Порядок принятия решений составом судей органов международной уголовной юстиции

Начало международной уголовной юстиции было положено после окончания Второй мировой войны. 8 августа 1945 г. был принят Устав Международного

Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. В пункте «с» ст. 4 Устава содержалось требование о том, что все решения принимаются большинством голосов, решающий голос у председательствующего, а решение о виновности должно быть принято большинством – не менее чем тремя членами Трибунала (общее количество членов – 4). Позднее, 19 января 1946 г., был учрежден Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока, Устав которого во многом соответствовал его предшественнику. Количество членов Трибунала устанавливалось от 6 до 11, кворум составлял не менее 6 членов, а решение, включая признание виновности, принималось большинством голосов присутствующих членов, голос председательствующего признавался решающим. Ни тот ни другой уставы не содержали положений о возможности выражения особого мнения их членами. Это, безусловно, правильное решение.

В послевоенной обстановке при наличии двух противоборствующих лагерей странам-победителям важно было уйти от политизированного решения и не подрывать авторитет судебной власти созданного надгосударственного органа. Единогласие при принятии решения демонстрировало объединение усилий всех стран в борьбе с международными преступлениями.

Однако после оглашения приговора судья Радхабинод Пал, представлявший Индию, подписал и опубликовал на 1 235 страницах особое мнение, в котором он оправдывал всех 25 подсудимых, а легитимность Токийского трибунала ставил под сомнение. Он указывал, что этот процесс является правосудием победителя, а Трибунал не имеет права привлекать к ответственности за преступления, которые были определены уже после окончания Второй мировой войны. Это особое мнение вызвало беспрецедентную реакцию. Судья Пал стал героем для Японии, ему были воздвигнуты мемориалы. Исследователи отмечают два значения рассматриваемого особого мнения судьи Пала [6. Р. 450–456]: во-первых, оно раскрывает силу судебного инакомыслия и его потенциал; во-вторых, оно может стимулировать дискуссию за пределами суда и создавать почву для поиска исторической правды.

Учрежденные в дальнейшем суды и трибуналы принято относить к трем институциональным моделям [7. С. 65].

Первой модели соответствуют трибуналы *ad hoc*, учрежденные Советом Безопасности ООН: Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международ-

ного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г. (МТБЮ) и Международный уголовный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г. (МТР).

В п. 2 ст. 23 Устава МТБЮ указывалось, что решение принимается большинством голосов и к нему могут прилагаться отдельные или особые мнения. Аналогичное положение содержится и п. 2 ст. 22 Устава МТР.

Одним из процессов, получивших широкую огласку и весьма неоднозначную оценку, стало дело в отношении двух хорватских генералов – Анте Готовина и Младлена Маркача. В 2001 г. МТБЮ осудил первого к 24, а второго к 18 годам тюремного заключения за преступления против гражданского населения, в результате которых погибли от 1 до 5 тыс. человек. В частности, было признано, что при обстреле в 1995 г. четырех городов снаряды, упавшие в радиусе 200 м от целей, являются намеренно выпущенными, а те, что легли в более чем 200 м, должны быть признаны доказательствами неизбежного обстрела [8]. Это правило получило наименование «200-метровый стандарт». Однако в ноябре 2012 г. Апелляционная палата вынесла вердикт, полностью отменивший данный приговор. Апелляционная палата посчитала, что Судебная палата ошиблась при установлении 200-метрового стандарта. Судебное решение не содержит каких-либо указаний на то, что были получены доказательства, предполагающие погрешность в 200 м, и оно лишено какой-либо конкретной аргументации относительно того, как Судебная палата пришла к этой допустимой погрешности. Ошибки Судебной палаты в отношении 200-метрового стандарта достаточно серьезны. В связи с этим Апелляционная палата посчитала, что оставшиеся доказательства недостаточны, чтобы подтвердить вывод о незаконности артиллерийского нападения на четыре города [9].

Это решение Апелляционной палаты вызвало большой общественный резонанс. Двое из пяти судей приложили к нему «несогласные» особые мнения. Судья Фаусто Покар указал, что вынесенное Апелляционной палатой решение противоречит принципам правосудия. Судья Камел Агиус отметил, что доказательства не были рассмотрены в совокупности: выделено одно «главное» обстоятельство, которое было отвергнуто, а затем на этом основании отброшены остальные как взаимосвязанные с ним. И в том и в другом особом мнении очень резко критиковалось вынесенное Апелляционной палатой решение в связи с нарушением объема возможного пересмотра. Вместо рассмотрения «ошибки права» была дана оценка фактам дела. Опубликование указанных особых мнений показало, насколько глубоки были разногласия среди судей трибунала.

Вторая институциональная модель включает в себя смешанные (гибридные) суды (трибуналы), в частности Специальный суд по Сьерра-Леоне, Специальный трибунал по Ливану и др. Статьи их уставов, посвященные порядку вынесения приговора, предусматривают публикацию отдельных или особых мнений.

Третья институциональная модель охватывает национальные суды, осуществляющие юрисдикцию в отношении международных преступлений с участием международных судей. Поскольку эти суды применяют национальное процессуальное право, публикация особых мнений зависит от законодательства той страны, на территории которой они осуществляют правосудие.

Международный уголовный суд – четвертая, современная институциональная модель. Согласно п. 3 ст. 74 Римского статута судьи должны стремиться к единодушию в решении, в противном случае выносить его большинством голосов, а п. 5 этой же статьи гласит, что вынесенное решение является единственным, но должно содержать мнение большинства и меньшинства. В ст. 83 Римского статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. (Римский статут МУС), регламентирующей апелляционное производство, указывается, что каждый судья имеет право высказать особое мнение [10]. За время работы МУС его судьи неоднократно пользовались своим правом на выражение особого мнения, в том числе выражая свое фундаментальное несогласие с вынесенным решением.

Выражение судьей особого мнения

С доктринальной точки зрения вопрос выражения особого мнения судьей при вынесении решения коллегиальным составом судей имеет многоаспектный характер. С одной стороны, особое мнение является важным компонентом статуса судьи и может рассматриваться с идеологической и этической позиции, с другой – как правовой институт, являющийся частью процедуры рассмотрения дела, с формально-юридической точки зрения. Отдельные исследования посвящены вопросам связи между институтом особого мнения и авторитетом органов международного уголовного правосудия [11].

Право судьи на выражение особого мнения закрепляется как необходимая часть его статуса и условие надлежащего уровня исполнения долга. Более того, принцип независимости, установленный Бангалорскими принципами поведения судей [12], предполагает необходимость «постоянно осознавать важность служения обществу» [13. С. 25]. В частности, Кодекс судейской этики МУС содержит указание на «долг судьи» [14. Р. 3]. По мнению соавторов, наличие прямой связи между указанными категориями (элементами правового статуса судьи) и правом на выражение особого мнения очевидна.

Таким образом, право на выражение особого мнения является необходимым элементом статуса судьи, инициатива его выражения обуславливается профессиональным долгом судьи. Декларация мотивов, вы-

сказанных устно или изложенных письменно, осуществляется в рамках реализации принципа независимости судей и обеспечивается действием процессуальной гарантии – тайны совещательной комнаты.

В соответствии с положениями ст. 74 Римского статута МУС [10] основным правилом при принятии решения является «единодушие» решения. В качестве отступления от этого общего правила допускается принятие решения «большинством судей».

Нормоположения Римского статута МУС также устанавливают правило окончательности решения, в соответствии с которым выносимое решение является единственным. При отсутствии единодушия в решении, принятом большинством судей МУС, различаются понятия «мнение меньшинства» (*minority view*¹) первой инстанции и «особое мнение» (*separate or dissenting opinion*²).

Мнение меньшинства указывается как в решении Судебной палаты, рассматривавшей дело по существу (первая инстанция), так и в решении Апелляционной палаты МУС. При этом в обоих случаях вынесение подобных решений рассматривается как отступление от общего правила «единодушия» в принятии решения. Особое мнение судьи предполагается только в рамках решения дела Апелляционной палатой и не предусматривается смыслом норм для судей Судебной палаты.

Вместе с тем особое мнение судьи Апелляционной палаты имеет определенные разновидности. К первому виду относится мнение судьи, выражающее общее согласие по выводам коллегии, но не разделяющее при этом мотивы (*separate opinion*). Ко второму – несогласие как с мотивами, так и с выводами в целом (*dissenting opinion*).

Если проводить аналогию с институтом несогласия и его нормативным регулированием в отношении Международного Суда ООН, то подходы отличаются. Так, ч. 2 ст. 95 Регламента Международного Суда ООН [15] указывает на три возможных варианта выражения несогласия: особое мнение (*individual opinion*), выражающее согласие или несогласие с указанием мотивов, а также немотивированное особое мнение в форме заявления (*declaration*).

Следует отметить, что в юридической науке изучение разновидностей особого мнения в практике международного уголовного правосудия представляет собой активный вектор. В частности, немотивированное особое мнение в форме заявления подвергается критике, поскольку фактически используется для «кратких заявлений или мнений» [16], которые не имеют общих признаков с формами судебного несогласия с решением коллегии. Однако высказываются и идеи поддержки «радикального несогласия» в органах международного уголовного правосудия, которые формируются за счет особых мнений судей, поскольку нельзя утверждать, что оно «пренебрегает или не воспринимает всерьез массовые убийства, пытки и изнасилования... позволяет оспаривать наличие этих преступлений, а также их масштабы» [17. С. 1165].

Таким образом, в нормативных актах, определяющих порядок отправления международного уголовно-

го правосудия, в качестве основного правила фиксируется «единодушие» в принятии решений коллегией судей. Выражение особого мнения судьей допускается, но является отступлением от общего правила. Наиболее полно указанная идея реализована в Римском статуте МУС.

Ценность особого мнения в контексте цели международного уголовного правосудия

Определение значения особого мнения невозможно без установления цели и задач международного уголовного правосудия.

Совет Безопасности ООН в своих резолюциях неоднократно провозглашал цели, которые мировое сообщество ставит перед международным правосудием: положить конец преступлениям в сфере международного гуманитарного права, обеспечить наказание лиц, виновных в таких преступлениях, способствовать восстановлению и поддержанию мира.

Анализируя преамбулу Римского статута, можно увидеть, что МУС ставит своей целью положить конец безнаказанности лиц, совершающих международные преступления, угрожающие всему миру, безопасности и благополучию, и тем самым способствовать предупреждению подобных преступлений, т.е., по сути, речь идет об обеспечении мирового правопорядка уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными средствами. А задача МУС – осуществление юрисдикции в отношении лиц, виновных в совершении международных преступлений, путем осуществления расследования и судебного разбирательства и защита потерпевших от преступлений.

Это достаточно формальное определение цели международного уголовного правосудия. Ввиду общественной значимости рассматриваемых в процессе деятельности вопросов, наивысшей степени общественной опасности преступлений, подпадающих под юрисдикцию органов международной юстиции, цель международного правосудия необходимо рассматривать в том числе в контексте Целей устойчивого развития, поставленных ООН в 2015 г. Цель 16 «Мир, правосудие, построение открытых обществ» говорит о необходимости построения миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечении доступа к правосудию для всех и создании эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях. ООН обращает внимание, что даже демократические страны сталкиваются с преступным нарушением прав человека, во всем мире совершаются преступления, ставящие под угрозу мирное сосуществование. Бездействие может привести к губительным последствиям: процветанию насилия, отсутствию безопасности, экономическому упадку. Отсутствие правосудия или доступа к нему, по сути, означает отсутствие защиты и произвол. Государства-члены в рамках этой цели должны объединить свои усилия для торжества и доступности правосудия в каждой точке планеты. Закрепление в предметной юрисдикции международных судов определенных деяний свидетельствует о до-

стижении государствами принципиального согласия относительно того, какие преступления несут наибольшую угрозу миру и безопасности.

Анализируя деятельность органов международной юстиции, можно выделить две цели международного правосудия – ретроспективную и перспективную, и рассматривать эти цели необходимо в различных аспектах.

Ретроспективная цель не сводится просто к наказанию лиц, виновных в совершении международных преступлений. Деятельность международных трибуналов и Международного уголовного суда способствует написанию «исторического отчета» о тех событиях, в рамках которых совершались преступления. Указанные органы действительно «пишут историю», к материалам процессов в последующем обращаются иные международные и государственные органы, ученые, деятели искусства. Учитывая, что отдельные судьи, выражая особое мнение, могут действовать в угоду политическим интересам государства своего гражданства, такое инакомыслие препятствует установлению исторической правды. С учетом политических процессов, происходящих в современном мире, набирающих популярность ревизионизма и негационизма многие страны, в том числе Российская Федерация, выступают за защиту общепринятой историографии и устанавливают в своем национальном законодательстве ответственность, вплоть до уголовной, за отрицание выводов, полученных международными трибуналами. Это еще раз подчеркивает роль органов международной уголовной юстиции в «написании истории».

До учреждения Международного уголовного суда деятельность органов международной юстиции носила только ретроспективный характер и была связана с рассмотрением тех событий, которые уже произошли. С появлением указанного органа международное правосудие стало играть и превентивную роль. Перспективная цель носит воспитательный характер и способствует предотвращению будущих преступлений. В своих приговорах трибуналы разъясняют закон, в соответствии с которым должны действовать субъекты права. Органы международной юстиции определяют границы законного поведения, они повествуют о том, что такое «добро» и «зло», «правильное» и «неправильное» поведение, а угроза преследования выступает сдерживающим фактором.

И в том и в другом случае единодушие и коллегиальность усиливают легитимность принятого решения. Судья, высказывая несогласие с принятым решением, может выражать скрытые интересы и дестабилизировать тем самым политический дискурс. Как верно отмечает А.С. Исполинов, в современном международном правосудии не существует процессуального механизма, отделяющего «хорошие» особые мнения от «плохих» [18. С. 226]. С учетом относительно недолгой истории деятельности МУС особые мнения могут нанести урон его авторитету и сказаться на легитимности и целостности принятых им решений. Как следствие, подвергнутый сомнению самими судьями приговор не сможет выполнять в пол-

ной мере ни ретроспективную историческую, ни воспитательную функцию.

Значение идеологии коллегиальности при принятии решений

Существует представление о различиях в рассмотрении дела судом единолично и коллегиально. Общепринятым является представление о том, что решение коллегиального суда – это не просто совокупность индивидуальных мнений по существу рассматриваемого дела, а коллективное решение суда как единое и принятое большинством голосов. В этом понимании идеология коллегиальности означает, что состав судей как орган правосудия должен сформировать вывод по делу, который представляет собой окончательное решение, не оставляющее никаких сомнений в том, что внутри суда могло быть и другое мнение.

Римский статут МУС оперирует термином «абсолютное большинство голосов»³, исключая любые формы несогласия по отдельным вопросам. Судебная коллегиальность предполагает, что судьи имеют общую заинтересованность в правильном изложении фактов и толковании закона, и поэтому они должны быть готовы взаимодействовать и выслушивать друг друга, взаимно убеждая и будучи убежденными своими коллегами. Вектор в развитии идеологии коллегиальности нашел свое отражение посредством нормативного закрепления. В Кодексе судейской этики, принятом 19 января 2021 г., в ст. 5 прямо закреплено, что «судьи всегда действуют по отношению друг к другу в духе коллегиальности и профессионализма» [14].

Развитие идеологии коллегиальности как необходимой основы при принятии решений коллегией судей в последнее время имеет немало сторонников [19, 20]. Здесь стоит обратить внимание на проведенное исследование социальной роли судьи международного суда [21], автор которого подчеркивает, что основной ролью судьи международного суда является «сведение к минимуму конфликта в социальной системе», в противном случае «она может подвергаться серьезной опасности» [21. Р. 476].

При этом особое мнение как практика публичного выражения точки зрения одного из судей, не согласного с мнением большинства, должна быть сведена к минимуму в рамках деятельности органов международного уголовного правосудия, в первую очередь деятельности МУС. Даже в рамках текстов особых мнений судьи акцентируют вынужденный исключительный характер особого мнения и подчеркивают необходимость соблюдения общего правила о единодушном принятии решения [22], а в качестве значения особого мнения сходятся на необходимости «дать пищу для размышлений» [23]. Отказ от возможности выразить несогласие с мнением коллегии за рамками совещательной комнаты не умаляет возможности обсуждения всех нюансов фактов и права по конкретному делу. Все диспуты судей коллегии должны оставаться под охраной тайны совещания судей.

В ряде научных публикаций отказ следовать идеологии коллегиальности рассматривается как нежела-

ние судей действовать независимо от их конкретных индивидуальных мнений, участвовать в вынесении решения и брать на себя ответственность за него [24], определяется как «инакомыслие» [6], а роль судьи международного суда, высказывающего особое мнение, «вряд ли соответствует традиционно ожидаемой беспристрастности» [21. Р. 476]. Также в рамках третьего ежегодного судебного семинара МУС 23 января 2020 г. была высказана обеспокоенность тем, что возможность обращения к особому мнению может отбить у судей желание проводить процесс внутренних консультаций и обмена идеями друг с другом с целью достижения соглашения [1. Р. 9].

Сразу оговоримся, что установление идеологии коллегиальности как основы принятия решений не подходит для всех международных органов правосудия, а должна вводиться в тех случаях, когда это напрямую соотносится с целями деятельности органа.

Основной идеологической целью деятельности МУС, а также других органов международного уголовного правосудия, является «поддержание мира и безопасности» [25. С. 219], что подразумевает выводы коллегии судей в решении, касающиеся общечеловеческих ценностей и моральных категорий: нанесен ли вред человечеству или нет, наличие оценки «добра» и «зла». В идеологическом контексте роль судебного решения сводится не столько к основным выводам о совершенных виновных деяниях против человечества, сколько к «укреплению мира, фиксации исторических выводов» [26]. В этом контексте важны убедительность и окончательность судебного решения.

В настоящее время под сомнение ставятся основы традиционного позитивного взгляда на роль особых мнений в практике международных судов, поскольку они могут быть использованы участниками международных отношений для подрыва убедительности решения [27].

Заключение

По мнению авторов, наиболее оптимальной идеологической основой для достижения действительного единогласия при соблюдении международных стандартов отправления правосудия в деятельности МУС является идеология коллегиальности. Применение

указанной идеологии базируется на следующих исходных положениях:

- особое мнение судьи составляет неотъемлемую часть статуса судьи, и инициатива его выражения обуславливается профессиональным долгом судьи;

- процессуальная гарантия – тайна совещательной комнаты – предполагает возможность судьи выразить особое мнение составу коллегии судей при проведении итогового обсуждения по делу;

- основным правилом в принятии решения является «единодушие» решения, что означает необходимость достигнуть единого окончательного решения в рамках обсуждения;

- изложенные выше положения предполагают невозможность оглашения и формулирования в виде отдельного документа особого мнения судьи, которое бы подвергалось широкой огласке;

- идеология коллегиальности как основа принятия решения напрямую соотносится с целями деятельности органа и должна применяться в деятельности МУС и других органов международного правосудия, поскольку роль судебного решения обуславливает его окончательность.

В заключение отметим необходимость расширения идеологии коллегиальности в деятельности органов международного уголовного правосудия, прежде всего МУС. Решение должно приниматься единое, большинством голосов. Отдельные и несовпадающие мнения должны использоваться умеренно, в духе смирения и коллегиальности – как крайний инструмент, а не как замена подлинным усилиям по достижению консенсуса [1].

Развитие коллегиальности при принятии судебных решений органами международного уголовного правосудия обусловлено идеологическими целями деятельности, предполагающими окончательность судебных решений и исключение «обсуждения окончательности исторической оценки» [17. Р. 1171].

Более широкое применение идеи коллегиальности позволит сохранить убедительность и окончательность решений, исключить двусмысленность при определении моральных основ в сфере безопасности человечества, сохранения мира и будет способствовать формированию единого смыслового пространства в рамках международного сотрудничества.

Примечания

¹ Article 74. Requirements for the decision.

² Article 83. Proceedings on appeal.

³ См., напр.: Статьи 40, 48, 52.

Список источников

1. Summary of the Third Annual Judicial Seminar of the ICC // International Criminal Court. 2020. 23 Jan. URL: <https://www.icc-cpi.int/news/seminars/Documents/2020-Judicial-Seminar-Summary-EN.pdf> (accessed: 10.12.2021).
2. Лепешков Ю.А. Об особом мнении судей международных судов // Беларусь в современном мире : материалы XVIII Междунар. науч. конф., посвящ. 98-летию образования Белорусского гос. ун-та, Минск, 30 октября 2019 г. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2019. С. 144–149.
3. Исполинов А.С. Палка о двух концах: особые мнения в Суде ЕАЭС. URL: https://zakon.ru/blog/2018/01/22/palka_o_dvuh_koncah_osobye_mneniya_v_sude_eaes (дата обращения: 17.05.2022).
4. Капустин А.Я. Влияние правовых позиций международных судов на национальную судебную практику // Судебная практика в современной правовой системе России / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М. : ИЗИСП при Правительстве Российской Федерации ; Норма ; Инфра-М, 2017. 432 с.
5. Волеводз А.Г. Современная система международной уголовной юстиции: понятие, правовые основы, структура и признаки // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М. : Ин-т права и публичной политики, 2009. С. 305–323.

6. Mistry H. The Paradox of Dissent: Judicial Dissent and the Projects of International Criminal Justice // *Journal of International Criminal Justice*. 2015. Vol. 13, is. 3. P. 449–474.
7. Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 56–66.
8. International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991. Prosecutor v. Gotovina et al. [TC]. Case № IT-06-90-T. Judgment and Sentence of 15 April 2011. URL: https://www.icty.org/x/cases/gotovina/tjug/en/110415_summary.pdf (accessed: 10.12.2021).
9. International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991. Prosecutor v. Ante Gotovina and Mladen Markač [AC]. Case № IT-06-90-A. Judgment and Sentence of 16 November 2012. URL: https://www.icty.org/x/cases/gotovina/acjug/en/121116_summary.pdf (accessed: 10.12.2021).
10. Rome Statute of the International Criminal Court // International Criminal Court. 2011. URL: <https://www.icc-cpi.int/Publications/Rome-Statute.pdf> (accessed: 06.12.2021).
11. Mistry H. The different sets of ideas at the back of our heads: Dissent and authority at the International Court of Justice // *Leiden Journal of International Law*. 2019. Vol. 32, is. 2. P. 293–313.
12. Укрепление основных принципов поведения судей : резолюция Экономического и Социального Совета ООН от 27 июля 2006 г. № 2006/23. Приложение: Бангладорские принципы поведения судей. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml (дата обращения: 01.12.2021).
13. Комментарий к Бангладорским принципам поведения судей. URL: https://www.unodc.org/documents/corruption/Publications/2017/Bangalore_principles_commentary_Russian.pdf (дата обращения: 10.12.2021).
14. Code of Judicial Ethics. Official Journal Publication: 27 January 2021 // International Criminal Court. 2020. 02 Feb. URL: <https://www.icc-cpi.int/Pages/item.aspx?name=icc-cje> (accessed: 11.12.2021).
15. Rules of Court // International Court of Justice. 1978. URL: <https://www.icj-cij.org/en/rules> (accessed: 30.11.2021).
16. Thirlway H. The International Court of Justice. The Decision, 12 Judges Separate and Dissenting Opinions. URL: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law/9780198779070.001.0001/law-9780198779070-chapter-12> (accessed: 10.12.2021).
17. Jain N. Radical Dissents in International Criminal Trials // *European Journal of International Law*. 2017. Vol. 28, is. 4. P. 1163–1186. URL: <https://academic.oup.com/ejil/article/28/4/1163/4866314> (accessed: 02.12.2021).
18. Исполинов А.С. Особые мнения в международных судах: доктрина и практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 218–233.
19. Edwards H.T. The effects of collegiality on judicial decision making // *University of Pennsylvania Law Review*. 2003. Vol. 151, № 5. P. 1639–1690.
20. Carcano A. On the exercise of the judicial function at the International Criminal Court: Issues of credibility and structural design // *Questions of International Law*. 2020. Vol. 67, № 67. P. 3–23.
21. Prott L.V. The role of the judge of the International court of justice // *Belgian Review International Journal*. Vol. 2. P. 473–504.
22. Separate concurring opinion of judge Eboe-Osuji. Prosecutor v Gbagbo & Blé Goudé – Appeal Judgment – 31 March 2021. URL: https://www.icc-cpi.int/RelatedRecords/CR2021_03355.PDF (accessed: 12.12.2021).
23. Separate opinion of judge Sidhwa on the defence motion for interlocutory appeal on jurisdiction. Prosecutor v. Dusko Tadic. Appeal Judgment – 2 October 1995. URL: <https://www.icty.org/x/cases/tadic/acdec/en/510027234562.htm> (accessed: 10.12.2021).
24. Sadat L.N. Fiddling While Rome Burns? The Appeals Chamber's Curious Decision in Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo // EJIL: Talk! Blog of the European Journal of International Law. URL: <https://www.ejiltalk.org/fiddling-while-rome-burns-the-appeals-chambers-curious-decision-in-prosecutor-v-jean-pierre-bemba-gombo/> (accessed: 10.12.2021).
25. Грицаев С.А. Теоретико-правовые и институциональные основы международного уголовного правосудия // Вестник Московского университета МБД России. 2013. № 9. С. 217–231.
26. Swart B., Zahar A., Sluiter G. The Legacy of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. Published to Oxford Scholarship online: September 2011. URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199573417.001.0001/acprof-9780199573417-chapter-18> (accessed: 10.12.2021).
27. Ulfstein G. Majority and Individual Opinions: Constructive Dialogue or the Worst of Two Worlds? // Forthcoming, Research Handbook on the International Court of Justice (Elgar). PluriCourts Research Paper. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3370897> (accessed: 13.12.2021).

References

1. International Criminal Court. (2020) *Summary of the Third Annual Judicial Seminar of the ICC*. 23 Jan. [Online] Available from: <https://www.icc-cpi.int/news/seminarsDocuments/2020-Judicial-Seminar-Summary-EN.pdf> (Accessed: 10.12.2021).
2. Lepeshkov, Yu.A. (2019) [On the dissenting opinion of judges of international courts]. *Belarus' v sovremennom mire* [Belarus in the modern world]. Proceedings of the International Conference. Minsk. 30 October 2019. Minsk: BSU. pp. 144–149. (In Russian).
3. Ispolov, A.S. (2018) *Palka o dvukh kontsakh: osobyie mneniya v Sude EAES* [A double-edged sword: dissenting opinions in the EAEC Court]. [Online] Available from: https://zakon.ru/blog/2018/01/22/palka_o_dvuh_koncah_osobyie_mneniya_v_sude_eaes (Accessed: 17.05.2022).
4. Kapustin, A.Ya. (2017) Vliyaniye pravovykh pozitsiy mezhdunarodnykh sudov na natsional'nyu sudebnuyu praktiku [Influence of the legal positions of international courts on national judicial practice]. In: Khabrieva, T.Ya. & Lazarev, V.V. (eds) *Sudebnaya praktika v sovremennoy pravovoy sisteme Rossii* [Judicial practice in the modern legal system of Russia]. Moscow: IZiSP pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii; Norma; Infra-M.
5. Volevodz, A.G. (2009) *Sovremennaya sistema mezhdunarodnoy ugodovnoy yustitsii: ponyatie, pravovye osnovy, struktura i priznaki* [Modern system of international criminal justice: concept, legal foundations, structure and features]. In: Bogush, G.I. & Trikoz, E.N. (eds) *Mezhdunarodnoe ugodovnoe pravosudie: sovremennye problemy* [International criminal justice: modern problems]. Moscow: In-t prava i publichnoy politiki. pp. 305–323.
6. Mistry, H. (2015) The Paradox of Dissent: Judicial Dissent and the Projects of International Criminal Justice. *Journal of International Criminal Justice*. 13 (3). pp. 449–474.
7. Volevodz, A.G. (2009) *Mezhdunarodnoe ugodovnoe pravosudie: ot idei k sovremennoy sisteme* [International criminal justice: from an idea to a modern system]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2. pp. 56–66.
8. International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991. (2011) *Prosecutor v. Gotovina et al. [TC]. Case № IT-06-90-T. Judgment and Sentence of 15 April 2011*. [Online] Available from: https://www.icty.org/x/cases/gotovina/tjug/en/110415_summary.pdf (Accessed: 10.12.2021).
9. International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991. (2012) *Prosecutor v. Ante Gotovina and Mladen Markač [AC]. Case № IT-06-90-A. Judgment and Sentence of 16 November 2012*. [Online] Available from: https://www.icty.org/x/cases/gotovina/acjug/en/121116_summary.pdf (Accessed: 10.12.2021).

10. International Criminal Court. (2011) *Rome Statute of the International Criminal Court*. [Online] Available from: <https://www.icc-cpi.int/Publications/Rome-Statute.pdf> (Accessed: 06.12.2021).
11. Mistry, H. (2019) The different sets of ideas at the back of our heads: Dissent and authority at the International Court of Justice. *Leiden Journal of International Law*. 32 (2). pp. 293–313.
12. UN. (2006) *Ukrepnenie osnovnykh printsipov povedeniya sudey: rezolyutsiya Ekonomicheskogo i Sotsial'nogo Soveta OON ot 27 iyulya 2006 g. № 2006/23. Prilozhenie: Bangalorskie printsipy povedeniya sudey* [Strengthening the basic principles of judicial conduct: UN Economic and Social Council resolution of July 27, 2006 No. 2006/23. Appendix: Bangalore Principles of Judicial Conduct]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml (Accessed: 01.12.2021).
13. UN. (2017) *Kommentariy k Bangalorskim printsipam povedeniya sudey* [Commentary on the Bangalore Principles of Judicial Conduct]. [Online] Available from: https://www.unodc.org/documents/corruption/Publications/2017/Bangalore_principles_commentary_Russian.pdf (Accessed: 10.12.2021).
14. International Criminal Court. (2020) *Code of Judicial Ethics*. Official Journal Publication: 27 January 2021. 02 Feb. [Online] Available from: <https://www.icc-cpi.int/Pages/item.aspx?name=icc-cje> (Accessed: 11.12.2021).
15. International Court of Justice. (1978) *Rules of Court*. [Online] Available from: <https://www.icj-cij.org/en/rules> (Accessed: 30.11.2021).
16. Thirlway, H. (n.d.) *The International Court of Justice. The Decision, 12 Judges Separate and Dissenting Opinions*. [Online] Available from: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law/9780198779070.001.0001/law-9780198779070-chapter-12> (Accessed: 10.12.2021).
17. Jain, N. (2017) Radical Dissents in International Criminal Trials. *European Journal of International Law*. 28 (4). pp. 1163–1186. [Online] Available from: <https://academic.oup.com/ejil/article/28/4/1163/4866314> (Accessed: 02.12.2021).
18. Ispolinov, A.S. (2018) *Osobyie mneniya v mezhdunarodnykh sudakh: doktrina i praktika* [Dissenting opinions in international courts: doctrine and practice]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 1. pp. 218–233.
19. Edwards, H.T. (2003) The effects of collegiality on judicial decision making. *University of Pennsylvania Law Review*. 151 (5). pp. 1639–1690.
20. Carcano, A. (2020) On the exercise of the judicial function at the International Criminal Court: Issues of credibility and structural design. *Questions of International Law*. 67 (67). pp. 3–23.
21. Prott, L.V. (n.d.) The role of the judge of the International court of justice. *Belgian Review International Journal*. 2. pp. 473–504.
22. Icc-cpi.int. (2021) *Separate concurring opinion of judge Eboe-Osui. Prosecutor v Gbagbo & Blé Goudé – Appeal Judgment – 31 March 2021*. [Online] Available from: https://www.icc-cpi.int/RelatedRecords/CR2021_03355.PDF (Accessed: 12.12.2021).
23. Icty.org. (2021) *Separate opinion of judge Sidhwa on the defence motion for interlocutory appeal on jurisdiction. Prosecutor v. Dusko Tadic. Appeal Judgment – 2 October 1995*. [Online] Available from: <https://www.icty.org/x/cases/tadic/acdec/en/510027234562.htm> (Accessed: 10.12.2021).
24. Sadat, L.N. (2021) *Fiddling While Rome Burns? The Appeals Chamber's Curious Decision in Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo*. EJIL: Talk! Blog of the European Journal of International Law. [Online] Available from: <https://www.ejiltalk.org/fiddling-while-rome-burns-the-appeals-chambers-curious-decision-in-prosecutor-v-jean-pierre-bemba-gombo/> (Accessed: 10.12.2021).
25. Gritsaev, S.A. (2013) *Teoretiko-pravovye i institutsional'nye osnovy mezhdunarodnogo ugolovnogo pravosudiviya* [Theoretical-legal and institutional foundations of international criminal justice]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 9. pp. 217–231.
26. Swart, B., Zahar, A. & Sluiter, G. (2011) *The Legacy of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia*. Published to Oxford Scholarship online: September 2011. [Online] Available from: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199573417.001.0001/acprof-9780199573417-chapter-18> (Accessed: 10.12.2021).
27. Ulfstein, G. (2021) Majority and Individual Opinions: Constructive Dialogue or the Worst of Two Worlds? In: *Forthcoming, Research Handbook on the International Court of Justice* (Elgar). PluriCourts Research Paper. [Online] Available from: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3370897> (Accessed: 13.12.2021).

Информация об авторах:

Ветошкина Е.Д. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Киров, Россия). E-mail: vetoshkina@msalkirov.ru

Кощеева Е.С. – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Киров, Россия). E-mail: koscheeva@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.D. Vetoshkina, Cand. Sci. (Law), associate professor, Volga-Vyatka Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (Kirov, Russian Federation). E-mail: vetoshkina@msalkirov.ru

E.S. Kosheeva, Cand. Sci. (Law), associate professor, Volga-Vyatka Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (Kirov, Russian Federation). E-mail: koscheeva@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 16.12.2021;
одобрена после рецензирования 28.05.2022; принята к публикации 28.05.2022.*

*The article was submitted 16.12.2021;
approved after reviewing 28.05.2022; accepted for publication 28.05.2022.*